

Д.А.Давыдов
ДОБРОДЕТЕЛИ
ПРОТИВ КОММУНИЗМА

**Фишман Л.Г. Эпоха добродетелей:
После советской морали.
М.: Новое литературное обозрение,
2022. — 232 с.**

Дмитрий Александрович Давыдов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: davydovdmitriy90@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению идей, изложенных в монографии Леонида Фишмана «Эпоха добродетелей: После советской морали», где ставится вопрос о причинах быстрого разрушения «высокой» коммунистической морали в СССР, а также скатывания российского общества в 1990-е годы к состоянию «войны всех против всех». Ставя перед собой задачу проследить, как из «добра» рождается «зло», Фишман обращает внимание на то, что коммунистическая мораль Советского Союза заключала в себе внутреннее противоречие, обусловленное сочетанием того, что можно называть этикой добродетели, с этикой принципов. Добродетели состоят из ценностей, актуальных для тех или иных сообществ. При этом этика добродетели имеет двойственную природу. В определенных социальных обстоятельствах она способствует воспитанию гармоничной личности, устремленной к высоким общественным целям. Так бывает, если над ней возвышается этика принципов, задающая высшие цели и общие представления о том, как поступать по отношению к другим членам общества. Но если этика принципов перестает работать, ничто не мешает добродетелям служить чистому злу, ведь даже членам мафиозных кланов не чужды героизм, преданность и честь. Фишман демонстрирует, как этика добродетели постепенно вытесняла этику принципов, приближая крах большого коммунистического проекта.

По заключению Дмитрия Давыдова, ценность исследования Фишмана носит не только исторический характер. Никакой коммунистический проект не может исключить из себя как гуманистическое ядро, ориентированное на освобождение личности, так и направленность на социализацию личности в тех или иных сообществах. Но любая «гармоничная» личность и любое служащее добру сообщество рискуют переродиться в свои противоположности: в эгоистического индивида и объединение «друзей», для которых все, «кто не с нами», — враги.

Ключевые слова: коммунизм, социализм, марксизм, посткапитализм, этика добродетели, этика принципов

Исследователи уже сломали немало копий, пытаясь ответить на вопрос, чем же все-таки был Советский Союз. Мнений и точек зрения здесь огромное множество — от утверждений, что СССР был чистым воплощением идеи коммунизма, а также всего зла, якобы в ней заключенного, до признания буржуазной сути¹ советского строя. Встречаются и промежуточные позиции, согласно которым в СССР имел место то ли «мутантный» социализм², то ли вполне себе нормальный, но существовавший лишь в течение короткого промежутка времени, да и то вперемешку с различными «укладами»³. Еще одна загадка истории: как получилось, что страна, долгие годы воспитывавшая людей ответственных, призывавшая к труду на благо других, к солидарности и единству трудящихся и т.п., так быстро скатилась к безумию «войны всех против всех», к мафиозной и олигархической партикулярности 1990-х годов? Поиску ответа на этот вопрос посвящена новая книга уральского политолога Леонида Фишмана «Эпоха добродетелей: После советской морали».

Предлагается несколько объяснений морального коллапса советского/российского общества. Часть авторов считает, что в СССР никакой высокой морали не было. Человек был безликим «винтиком», послушным исполнителем, вся мораль которого сводилась к приспособленчеству, попыткам угодить вышестоящим, а по факту — просто присвоить себе побольше от общественного пирога. Другой подход — прямо противоположный. СССР был уникальным воплощением высокой морали, это было высококультурное общество, и только «принудительная деградация», навязанная некими реформаторами «сверху», заставила людей отречься от былых принципов. Автора анализируемой монографии не устраивают оба подхода. Первый сводится к банальному утверждению, что СССР есть воплощение зла, второй — к не менее банальному обратному утверждению. И хотя сам Фишман этого прямо не говорит, стоит отметить один важный момент. Очернение опыта Советского Союза, как и его обеление, может повлечь за собой проблемы при осмыслении актуальной повестки дня, связанной с возможными стратегиями левых в ответ на кризисные тенденции современного общества. Негативный взгляд ведет к известной «аллергии» многих левых теоретиков на «большие нарративы» и социализм как проект общественного переустройства в целом⁴. Позитивный взгляд есть, по сути, ностальгия по былым временам, порожденная верой в то, что коммунизм просто слишком рано начали строить, да еще и в отсталой стране, а высокая советская мораль требует более благоприятной почвы: вот-вот мы придем к новому кризису, полыхнет новая революция, и на новой технологической базе можно будет повторить попытку под теми же лозунгами равенства, братства, коллективной солидарности и пр. (и, возможно, даже задействовав «старые добрые» инструменты вроде плановой

¹ Воейков 2015.

² Бузгалин 2012.

³ Славин 2019: 233—267.

⁴ Давыдов 2019.

экономики, но уже высокотехнологичной, почти автоматизированной). Подход Фишмана позволяет по-новому взглянуть не только на опыт СССР, но и на перспективы борьбы левых. Его главный посыл можно понять следующим образом. В СССР была вполне высокая, вполне коммунистическая мораль, которую разделяли очень многие. Но в ее осмыслении мы наталкиваемся на очень сложную реальность: в основе вообще всякой коммунистической морали лежат феномены-оборотни, которые при определенных обстоятельствах быстро перерождаются в нечто негативное. Соответственно, рассматриваемая книга о том, «как из „добра“ вытекает „зло“, а людям недостает опыта и предвидения, чтобы отличить одно от другого» (с. 12).

Здесь необходимо внести ясность. Как капитализм, так и его отрицание в виде различных проектов социализма и коммунизма являются порождениями Модерна, а также гуманизма, провозглашающего высшей ценностью человека с его духовным миром, неповторимой индивидуальностью, чувствами, эмоциями, стремлениями и т.п. Никогда идея коммунизма не была абсолютным отрицанием гуманизма. Различные коммунистические концепции лишь спорили о том, какие экономические, социальные, культурные и иные условия могли бы наиболее полно раскрыть человеческую свободу, человеческие таланты, привести людей к счастливой и безбедной жизни. В этом смысле у капитализма и коммунизма *общее ценностное ядро*, но разные представления о методах достижения желаемого. По-настоящему порывающий с этим ядром коммунизм выглядел бы как тотальный коллективизм: частная жизнь — пустой звук, есть только коллектив, жизнь отдельного человека ничего не стоит, как и мелкие общности, имеют значение исключительно общие цели, устанавливаемые тоталитарным большинством или вождем. Конечно, история СССР показала, что на практике такой разрыв с гуманистическим ядром вполне возможен. Но этого никогда не происходило на уровне декларируемых и пропагандируемых высших ценностей.

Из сказанного вытекает главная проблема: человек, остающийся в центре гуманистической ценностной парадигмы, вообще говоря, является той самой *индивидуальностью*, которая находит себя лишь тогда, когда противопоставляется (прямо или косвенно) миру, осознает свою неповторимость и «отличность» от всего окружения. Авторы коммунистических утопий давали человеку (осознанно или нет) рецепт своеобразного усложнения врожденного эгоизма, а то и перерождения его в альтруизм: утверждать себя в мире можно не только идя по головам, но и объединяясь, творя, поддерживая дружеские отношения, стремясь к общечеловеческим целям, в некоторых случаях жертвуя собой. Но даже жертвующий собой все равно остается индивидуальностью. Более того, своим геройским поступком он подчеркивает собственную индивидуальность, оставляя след в истории. Важно отметить: между условными человеком капиталистическим и человеком коммунистическим никогда не было и не могло быть каких-то сущностных разрывов. Вся разница заключалась в методах борьбы за гуманистические идеалы. Причем

коммунизм оказывался менее последовательным. Если капитализм сочетал индивидуалистическую цель с индивидуалистическими же методами (рынок, либеральные свободы и пр.), то коммунизм шел к все той же в глубине своей индивидуалистической цели, но с помощью усложненных коллективистских средств. Это и была та ловушка, в которую попал СССР: высвобождая человека из «царства необходимости», из inferнального серого небытия, просвещая его, заботясь о нем, СССР не мог не подкреплять ту изначальную, базовую, в корне индивидуалистическую ценностную основу, ставящую во главу угла отдельную *личность*. Короче говоря, Советский Союз проделал большую модернизационную работу, «создал» и освободил личность от многих гнетущих обстоятельств (хотя бы от крайней нищеты и голода), но не смог с ней совладать. Как выяснилось, от человека коммунистического к человеку капиталистическому (и даже к человеку криминальному) — всего один шаг.

В принципе, о чем-то таком уже писал ряд исследователей. В частности, тут нельзя не отметить книгу «Обличать и лицемерить» Олега Хархордина⁵, который показывает, что даже в суровые сталинские времена личность не только и не столько подавлялась, сколько «открывалась», так как ее заставляли проявлять себя и работать над собой, повышать сознательность и т.д. Немаловажным фактором краха советского проекта стала борьба в позднем СССР за так называемую всесторонне развитую личность, приведшая к дальнейшей индивидуализации и атомизации общества (на что обращает внимание в книге «Грамматика порядка» Александр Бикбов⁶). О двойственной природе личности, которая в коммунистическом идеале должна как бы сочетать в себе неповторимость и индивидуальность и при этом «гармонично» вливаться в коллектив, служить общечеловеческим целям, много написано и в книге Фишмана. Но автор делает акцент на различных *группах и сообществах*.

Здесь мы тоже видим внутреннее противоречие коммунистического этоса. С одной стороны, человека невозможно оторвать от локальных сообществ, от семьи и друзей. Более того, именно небольшие сообщества можно и нужно рассматривать как настоящие «школы морали», позволяющие культивировать любовь к ближнему, преданность, верность, альтруизм. Семьи, школьные и трудовые коллективы, воинские отряды, партийные ячейки и т.д. являются сферами живого общения, где растет и воспитывается личность, передаются социальные ценности и нормы, возникают примеры для подражания и устанавливаются крепкие эмоциональные связи. Без этой «общностной» школы жизни невозможна мораль, направленная на все общество, как невозможно любить все человечество, не испытав любви к матери или другу. Но групповая солидарность столь же двойственна с точки зрения коммунистических идеалов, как и нравственность личности. Между, условно говоря, общностью коммунистической и общностью капиталистической тоже нет сущностного разрыва. Это тонко подмечает Фишман, подчеркивая, что

⁵ Хархордин 2002.

⁶ Бикбов 2014.

хотя советское общество действительно создавало многие общности, было нацелено на коллективность и коллективизм, нить, связывавшая локальные общности с общечеловеческим проектом коммунизма, оставалась крайне зыбкой и непрочной. Отсюда «диалектическая напряженность» между тем, что автор монографии называет *этикой добродетели* и *этикой принципов*.

Советская мораль, по мнению Фишмана, представляла собой двухуровневую пирамиду. Верхний ее ярус — этика принципов, которая включает в себя нормы и ценности, содержащие общие представления о справедливости, «о том, как должен поступать человек по отношению к любому другому члену общества, вне зависимости от того, связан ли он с ним какими-то семейными, дружескими, корпоративными или иными узами» (с. 33). Нижний ярус — этика добродетели, являющаяся этикой «соответствия человека неким образцам поведения, функциональным для того или иного сообщества» (с. 34). Собственно, этика принципов в Советском Союзе определялась *коммунистической идеологией*, которая была «продолжением более широкого, восходящего к либерализму прогрессистско-гуманистического мировоззрения» (с. 35). Роль этики принципов в том, чтобы «указывать место» этике добродетели. Локальные сообщества нужно направлять к более высоким целям, скреплять их в нечто большее, нежели лоскутное одеяло разрозненных объединений со своими частными представлениями о добре, чести, достоинстве и т.д. Да, внутри этих локальных сообществ может родиться духовно богатая личность, приученная любить не только близких, но и свою страну, все человечество. Но стоит более тонкому, более уязвимому ярусу обрушиться, не остается препятствий для перерождения добродетелей в *чистое зло*, когда честь, достоинство, принципы, «понятия» и прочие моральные установки обретают исключительно локальный смысл⁷.

⁷ Здесь можно провести аналогию с аристократической этикой, согласно которой только высшие сословия способны распознать истинное добро, то есть их добродетель «добродетельнее» других.

Иными словами, коммунизм невозможно построить, не взращивая и не культивируя то, что потенциально может его убить. Коммунизм не нечто отдельно стоящее, не «сущность в себе», не полное и абсолютное отрицание капитализма. Напротив, борясь за коммунистическое дело, трудно не поддерживать и не развивать те социальные компоненты, из которых складывается капитализм. К тому же и капитализму не чужда добродетель, внешне похожая на коммунистическую, ведь представление об обществе, состоящем из homo economicus, есть известная редукция, ибо «дух капитализма никогда не является обществу открыто, но всегда выдвигает впереди себя посредника: религию, философию, идеологию, которые своими целями провозглашают спасение души, заботу о цивилизации, стремление к инновациям и т.д.» (с. 50).

* * *

Сначала дело обстояло так, что страну требовалось цивилизовать, вывести из состояния дикости. Так рождался большой гуманистический

проект. Причем просто взять и изобрести культуру заново не удавалось. Впрочем, в этом не было особого смысла. Советский Союз нуждался почти в тех же добродетелях, что и капитализм (если перевести пуританскую мораль на светский язык, то она будет мало отличаться от того, о чем вели речь идеологи диктатуры пролетариата). Следовало просто по-другому расставить акценты. Это получалось плохо, поскольку обращаться приходилось к крайне сложным феноменам, имеющим «двойственную» гуманистическую природу. Кто такой герой? Тот, кто совершает альтруистический поступок, ведя к победе коммунистическую партию? Или это лидер, противопоставляющий себя толпе? Этики добродетели в буржуазном и коммунистическом обществе неизбежно состоят из одних и тех же клеток, которые всегда способны обернуться раковой опухолью.

Несмотря на все попытки «затенить» героя-личность, поставить на первое место коллектив и высшие ценности, «герои советской литературы все равно во многих отношениях создавались по привычным канонам, выделявшим героя из массы обычных людей» (с. 73). Более того, моральные образцы активно черпались из классической литературы. Добродетельные представители аристократических классов, как правило, не противоречили идеалу советского гражданина, патриота (все они люди, которым не чужды любовь к Отчизне, долг, готовность к самопожертвованию и т.п.). В книге приводится множество подобных «заимствований». Отдельного внимания заслуживают романтизированные в духе Вальтера Скотта рыцари, которые ассоциировались с благородными защитниками слабых и угнетенных. Но даже «если речь и не шла о героизме, а в художественных произведениях герои-аристократы не отличались выдающимися качествами, то они все-таки обычно описывались как люди утонченные и образованные, что, по понятным причинам, было привлекательно само по себе» (с. 76). В целом аристократы и буржуа в литературных образах оказывались подчас привлекательнее скучных партийных морализаторов, причем они были хороши не только как активные предприниматели и творцы, но и как авантюристы, приключенцы (вроде персонажей Джека Лондона). Однако примерно то же можно сказать и о преступниках, которых часто показывали в фильмах (в том числе в чрезвычайно популярном сериале «Следствие ведут ЗнаТоКи») как людей интеллигентных профессий, со вкусом одетых, умных и образованных, живущих насыщенной жизнью, имеющих собственные взгляды на *честь* и *достоинство*. Это тоже герои со своей героической этикой, не карикатурные злодеи, а «сложные личности», кому-то преданные, живущие по своим правилам, заботящиеся о семьях и т.д.

Фишман на многих примерах показывает, как в Советском Союзе утверждалась этика добродетели, как «герои», «всесторонне развитые личности» и местные сообщества постепенно дистанцировались от коммунистической моральной надстройки (этики принципов). Можно говорить о процессах, приводивших к распаду «большого общества»

на совокупность отчужденных друг от друга сообществ, состоявших из ищущих путей самореализации *личностей*, которым рамки коммунистической этики принципов были слишком тесными. Это, в частности, романтизм 1960—1970-х годов, уравнивший «гитару и палатку с боями и походами» (если считалось, что война и всяческие испытания воспитывают человека, то и мафиозные войны 1990-х годов могли воспитывать «достойных» среди «своих») (с. 103). Такая романтика очень подходила советской интеллигенции, которая ощущала себя «аристократией духа», но при этом не имела «приличествующего» статуса, а потому была склонна изобретать различные эзотерические учения, делившие людей на низших и высших по степени просветленности (как, например, у Рерихов и Елены Блаватской). Культурная политика способствовала фрагментации общества и торжеству этики добродетели — от романтизации образов пиратов до постепенного распространения полукриминальной субкультуры, тем более что к моменту краха СССР примерно 15% его населения имели за плечами опыт лагерных и тюремных отсидок. «В широких кругах советского общества получил большое распространение шансон или нечто *имитировавшее* блатную лирику, как песни Владимира Высоцкого» (с. 128). В целом культура все больше фокусировалась на частной жизни, а не каких-то там абстрактных коммунистических принципах (популярные советские фильмы «Осенний марафон», «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби» и др.). В итоге Советский Союз постепенно стал преобразовываться в «общество без утопий» (с. 135).

Когда коммунистическая этика принципов плохо работает, сообщества «добродетельных» постепенно выходят из-под контроля. Так случилось, например, с движениями вроде коммунарского и каравелловского, формально ставившими своей целью воспитание детей и молодежи в духе официальной идеологии и морали, но реально воспитывавшими все более и более автономную, сознательную, творческую личность, стремившуюся к «красивой жизни» (с. 150). Одной из главных задач подобных сообществ было поддержание *сплоченности* в малых группах. В методиках выращивания лидеров данных движений, замечает Фишман, было мало собственно коммунистического: «„уверенности в себе“ сейчас куда в больших масштабах учат разного рода коучи, „воспитание творческой личности“ — навязывая в зубах банальность, а „любовь к людям“ — общее место ряда религиозных и моральных учений» (с. 153). Выращивание лидеров оборачивалось появлением местных «князьков», желавших присвоить власть в сообществах. Так рождались протوماфиозные образования: «„каравелловское“ и подобные ему движения с самого начала были тем, чем коммуны стали в силу давления социальной среды. Они сразу возникали как отряды, замкнутые сами на себя, на культивирование собственной корпоративности, творческой уникальности своих членов, идеологической и особенно моральной обособленности от окружающего мира» (с. 164). Наконец наступил соответствующий перелом, и все эти уникальные личности

и сообщества, привыкшие делить мир на «своих» и «чужих», действительно стали «своими и чужими». Сообщества друзей, вдохновлявшихся подвигами революционеров, превратились в сплоченных «добродетельных» мафиози, оправдывавших свою войну против остальных пассионарностью (отсюда популярность Льва Гумилева). Пассионарий предстал двигателем истории, что само по себе наделяло его значимостью, даже если ему приходилось творить гнусности и жестокости. 1990-е годы не породили какой-то совершенно новой реальности. Напротив, это было в известном роде время героев со своими кодексами чести, иерархиями ценностей, дружеской верностью. Как пишет Фишман, «мы не можем отрицать ситуации слома в том смысле, что определенная часть советской морали была отброшена, в то время как другая стала, собственно, той своеобразной моральной „культей“ — признаком имевшей место травмы. Однако, если продолжать мыслить метафорически, может быть, еще точнее будет сказать, что произошло нечто вроде отбрасывания головастиком своего хвоста, в результате чего окончательно оформилось общество с *другой* (но не обязательно содержательно новой) моралью, *зревшее* в недрах общества старого» (с. 210).

Книга Фишмана блестяще раскрывает весь драматизм моральной катастрофы СССР. И она заслуживает внимания хотя бы по причине представленного в ней глубокого культурологического анализа, помещенного в широкий политико-философский контекст. Но зачем вообще изучать опыт СССР, актуально ли это? Фиксация противоречий советского проекта, казалось бы, должна наводить на мысль, что коммунизм нуждается в своем времени, в благоприятных экономических, культурных и прочих условиях. Но суть дела как раз в том, что СССР такие благоприятные условия всячески приближал, однако при этом становился все более слабым. Из опыта СССР, думается, можно извлечь один важный урок. Всякий проект движения к коммунизму неизбежно столкнется с чреватой огромными проблемами необходимостью сочетать гуманистическую идею освобождения личности с попытками эту стремящуюся к свободе и самовыражению личность заставить или убедить соответствовать высшим идеалам. Пока история благоприятствует процессам индивидуализации. Только теперь все чаще меряются не только размером кошелька, но и популярностью или лайками в социальных сетях. Параллельно множатся различные новые «этики добродетели». Так, скажем, на современную политику идентичности можно посмотреть как на процесс моральной фрагментации, поскольку под лозунгами борьбы за социальную справедливость сталкиваются многочисленные противоречащие друг другу дискурсы «угнетенных»⁸. И если в поздние советские времена подобная моральная фрагментация приводила к появлению мафий, то сегодня речь идет об иерархиях угнетения или даже о банальном трайбализме (как в случае критики расизма в США, систематически перерождающейся в расизм). Ирония в том, что те, кто сегодня, например, убивает женский спорт, утверждая, что между женщиной трансгендерной (бывшим мужчиной) и биологической

⁸ Pluckrose and Lindsay 2020.

⁹ Gleeson and O'Rourke (eds.) 2021.

нет никакой разницы, называют себя левыми, а то и просто марксистами (или «трансгендерными марксистами»⁹).

Возникает закономерный вопрос: а стоит ли вообще пытаться как-то контролировать этот тектонический процесс «инфляционного расширения индивидуализма и группового локализма» с помощью этики принципов? В заключительной части книги Фишман в каком-то смысле противоречит сам себе, сравнивая неудачные попытки современных российских властей найти «русскую идею» (или последовательно оформить национальную идеологию) со стройностью «двухэтажной» системы, действовавшей в СССР (с. 215—230). Есть в его строках ностальгия по тому времени, когда была хоть какая-то этика принципов. Но что если в такой «двухэтажности», где на верхнем этаже размещаются некие «надзорные» принципы, и кроется корень многих проблем? Что если «добродетельные» люди с еще большей охотой отворачивались от «принципов», чувствуя их бюрократическую навязанность и искусственность? Может, принципам лучше не находиться сверху, а быть снизу, чтобы не руководить и надзирать, а подстегивать и разоблачать? Тогда бы к этим принципам было больше «низового» доверия. И они не пытались бы остановить неизбежный тектонический процесс, а аккуратно направляли его так, чтобы он не причинил слишком много зла.

Библиография

Бикбов А.Т. (2014) *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Бузгалин А.В. (2012) «Почему СССР не хочет становиться прошлым? (Загадка „мутантного социализма“» // *Философские науки*, № 1: 33—46.

Воейков М.И. (2015) «Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России» // *Свободная мысль*, № 4: 126—139. URL: <http://svom.info/entry/575-vpered-k-kapitalizmu-k-voprosu-o-predstoyashej-sta/> (проверено 21.06.2022).

Давыдов Д.А. (2019) «Анархо-локализм и кризис левой политической мысли» // *Полития*, № 2: 66—84. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95).pdf) (проверено 21.06.2022).

Славин Б.Ф. (2019) *Возвращение Маркса: О социальном идеале Маркса и исторических судьбах социализма*. М.: ЛЕНАНД.

Хархордин О.В. (2002) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Gleeson J.J. and E.O'Rourke, eds. (2021) *Transgender Marxism*. London: Pluto Press.

Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham (DC): Pitchstone.

σοφία

D.A. Davydov
VIRTUES
AGAINST COMMUNISM

**Fishman L.G. The Age of Virtues:
After Soviet Morality.**
Moscow: New Literary Observer,
2022. – 232 p.

Dmitry A. Davydov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: davydovdmitriy90@gmail.com.

Abstract. The article is dedicated to comprehending the ideas set forth in the monograph by Leonid Fishman *The Age of Virtues: After Soviet Morality*, which raises the question of the reasons for the rapid destruction of “high” communist morality in the USSR, as well as the sliding of the Russian society in the 1990s into a state of “war of all against all”. Setting himself the task of tracing how “evil” is born from “good”, Fishman draws attention to the fact that the communist morality of the Soviet Union contained an internal contradiction due to the combination of what can be called virtue ethics and the ethics of principles. Virtues consist of values that are relevant to certain communities. At the same time, virtue ethics has a dual nature. Under certain social circumstances, it contributes to nurturing a harmonious individual who strives for high social goals. This happens if the ethics of principles rises above it, setting higher goals and general ideas about how to treat other members of society. But if the ethics of principles ceases to function, nothing prevents the virtues from serving pure evil, for even members of mafia clans are not strangers to heroism, devotion, and honor. Fishman demonstrates how the virtue ethics gradually replaced the ethics of principles, bringing closer the collapse of the great communist project.

According to Dmitry Davydov’s conclusion, the value of Fishman’s research is greater than just historical. No communist project can exclude either its humanistic core, with the focus on the liberation of the individual, or its emphasis on the socialization of the individual in these or other communities. But any “harmonious” personality and any community that serves “the good” risk transforming into their opposites: into a selfish individual and an association of “friends”, for whom everyone “who is not with us” is an enemy.

Keywords: communism, socialism, Marxism, post-capitalism, virtue ethics, ethics of principles

References

- Bikbov A.T. (2014) *Grammatika porjadka: Istoricheskaja sotsiologija ponjatij, kotorye menjajut nashu real'nost'* [Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej skoly ekonomiki. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2012) "Pochemu SSSR ne khochet stanovit'sja proshlym? (Zagadka „mutantnogo sotsializma“)" [Why Does the USSR Not Want to Become the Past? (The Mystery of "Mutant Socialism")] // *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 1: 33–46. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2019) "Anarkho-lokalizm i krizis levoj politicheskoj mysli" [Anarcho-Localism and Crisis of Left Political Thought] // *Politeia*, no. 2: 66–84. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\).pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95).pdf) (accessed on 21.06.2022). (In Russ.)
- Gleeson J.J. and E.O'Rourke, eds. (2021) *Transgender Marxism*. London: Pluto Press.
- Kharkhordin O.V. (2002) *Oblichat' i litsemerit': genealogija rossijskoj lichnosti* [To Reveal and Hypocrite: The Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
- Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham (DC): Pitchstone.
- Slavin B.F. (2019) *Vozvrashchenie Marksa: O sotsial'nom ideale Marksa i istoricheskikh sud'bakh sotsializma* [Return of Marx: On the Social Ideal of Marx and the Historical Fate of Socialism]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Voeykov M.I. (2015) "Vpered k kapitalizmu? K voprosu o predstojashej stadii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitija Rossii" [Forward to Capitalism? The Question of Coming Under the Socio-Economic Development of Russia] // *Svobodnaja mysl'* [Free Thought], no. 4: 126–139. URL: <http://svom.info/entry/575-vpered-k-kapitalizmu-k-voprosu-o-predstoyashej-sta/> (accessed on 21.06.2022). (In Russ.)